

По вопросу о технике стихосложения

Стихотворная поэзия, как и поэзия в форме художественной прозы, представляет *внутреннюю* или художественно-смысловую сторону и *внешнюю* или словесно-произносительную. Внутренняя сторона в общем однородна в той и другой поэзии, тогда как внешняя сторона, проявляясь в стихотворной поэзии ритмом и отчасти рифмой, требует для этого от стихотворца природной способности к речевому ритму при знакомстве с существующими в данном языке стихотворными размерами в их дифференцированности по смысловым типам произведений и, в связи с этим, требует еще особой речевой гибкости для различного выражения словами одной и той же мысли, чтобы удовлетворить требованиям ритма или также и рифмы без ущерба для смысла.¹ Поэт-стихотворец невольно в минуту творческого вдохновения облакает свою образную мысль в речевую форму ритма и рифмы, но исследователь этих последних не ограничивается указанием формы ритма в том или другом стихотворении, но еще следит за теми условиями, в которых слова, варьирующие по количеству слогов и месту ударения, могут входить в стихотворение данного размера. Мы рассмотрим с этой стороны небольшой стихотворный отрывок — «Смерть крестьянина» в известной поэме Некрасова «Мороз красный-нос». Стихотворение написано размером трехстопного амфибрахия, причем нечетные строки заканчиваются полным

¹ Первой стороны я касался в своей статье «Психология поэтического творчества» (Уч. зап. Казан. унив. 1900 г.; затем она перепечатана во 2-ом и 3-ем изд. моих «Очерков по языковедению и русскому языку» и наконец в брошюре «Статьи по первоначальному преподаванию русской грамматики и изучению художественно-литературных произведений, Казань, 1919), а в настоящей заметке имею в виду вторую сторону, но не как голые схемы размеров, а самое произношение, допускающее и экспериментальное изучение. По вопросу о ритме и рифме имеются интересные замечания А. К. Толстого в одном из его писем, напечатанных в Вестнике Европы (см. ноябрь 1895 г., стр. 185—186). См. еще А. М. Пешковский. Ритмика «Стихотворений в прозе» Тургенева, в журнале Русская речь, вып. II.

амфибрахией, а четные — неполным или усеченным, эквивалентным ямбу, ср. напр. первый куплет:

1. У дома оставили крышу,
2. К соседке свели ночевать
3. Зазябнувших Машу и Гришу
4. И стали сына обрядать.

Мы перенумеровываем строки стихотворения, чтобы в дальнейшем при примерах из стихотворения указывать соответствующую строку. В зависимости от числа слогов и места ударения мы будем различать слова хорейского типа (напр. до́ма), ямбического (напр. земле́), дактилического (напр. ска́зано), анапестического (напр. ночевáть), амфибрахического (напр. нару́жу). При большем числе слогов мы можем говорить о том или другом из этих типов с лишним или избыточным неударенным слогом, напр. порабóтав — слово анапестического типа с избыточным слогом в конце, медлíteльно — слово дактилического типа с лишним неударенным слогом в начале.¹ Эти характеристики слов живой речи не следует смешивать с созвучными названиями стихотворных стоп: взятое нами стихотворение имеет размер амфибрахия, а слова, входящие в это стихотворение, принадлежат к разнообразным произносительным типам — хорей, ямба и пр. Обратимся теперь к анализу обстановки, при которой тот или другой тип слова встречается или же не может встречаться в той или иной из трех стоп взятого нами стихотворения.²

1. Хорейский тип

а) В начальной стопе при размере амфибрахия слова хорейского типа сами по себе быть не могут, но поставленный перед ними безударный предлог или союз,³ позволяет получить стопу амфибрахия, напр.: у до́ма (1), и ста́ли (4), на бе́лом (12).

¹ Можно даже пользоваться формулами из начальных букв типового названия, напр. X (слово хорейского типа); Я, Д, Ан, Ам; избыточный неударенный слог я обозначаю греческою буквою λ, напр. «порабóтав» = Ан + λ, «медлíteльно» = λ + Д, и т. п., причем однако одно и то же многосложное слово может передаваться неодинаково, напр. «медлíteльно» = Ам + λ и т. п.

² А. Белый в своей обширной монографии «Символизм», исследуя технику стихосложения, тоже обращает внимание на слоговой состав слов, входящих в стихотворные строки, но упускает из виду то, что один слоговой состав еще не достаточно характеризует фонетическую физиономию слова и что необходимо одновременно принимать во внимание еще и место ударения в каждом неодносложном слове (ср. в его труде стр. 239—254, где он разбирает то же стихотворение, которое анализируем и мы).

³ Смысловая функция того и другого совершенно различна: функция предлога — формально-морфологическая, а союза — синтаксическая.

б) Точно также и во второй стопе хорейское слово должно иметь перед собою или безударную частицу (проклитику), или же — как здесь — вместо проклитики является избыточный послеударный слог предшествующего слова, отходящий в слоговом отношении к хорейскому слову данной стопы, ср. «Мáшу» (3): здесь недостает предударного слога для образования стопы амфибрахия, но так как предшествующее слово «за́я́бнувших» (Ам — + λ) имеет избыточный послеударный слог, то последний переходит в слоговом отношении к рассматриваемому слову «Мáшу», и этим путем получается во второй стопе амфибрахий. Подобное слоговое перераспределение наблюдается и в живой речи, напр. *чу́точку ча́ю*, где слог *ку* легко может присоединиться в слоговом отношении к хорейскому слову «ча́ю» и тогда из конечного неударенного переходит в положение предударного с соответствующим изменением своего слогового веса: если в отдельном слове «чу́точку» он имеет слабое произношение, то с переходом к слову «ча́ю» становится довольно сильным.¹ Другие аналогичные примеры: ва́жно (5), де́ло (6), но́вых (16), мно́го (18).

в) В третьей стопе хорейское слово может встретиться в нашем стихотворении лишь в нечетных строчках, причем условия те же, что и для внутренней стопы, ср. *кры́шу* (1), и *Гри́шу* (3), *сло́ва* (7), в *иоте* (9), *ру́ки* (17), *му́ки* (19).

II. Дактилический тип

а) В начальной стопе дактилическое слово, подобно хорейскому, возможно лишь при предшествующей проклитической частице, напр. не *ска́зано* (7), и *ли́повых* (16), т. е. λ — Д; в этих случаях лишний для стопы конечный неударенный слог дактилического слова должен отойти в слоговом отношении к дальнейшему слову внутренней стопы, которое должно начинаться ударенным слогом и может быть как хорейским (16), вполне замыкающим внутреннюю стопу, так и дактилическим (7), т. е. опять с лишним для стопы конечным слогом, который в слоговом отношении отойдет к последней стопе.

б) Во внутренней стопе возможны случаи дактилических слов при условии наличия определенного типа слова в начальной стопе, как это разъяснено в предшествующем пункте.

в) В конечной стопе слово дактилического типа невозможно.

¹ Впрочем и в отдельных словах конечный открытый безударный слог встречается с неслабым произношением, и возможно, что этот вариант сложился в определенной связи слов, а затем стал применяться и в отдельном произношении.

III. Ямбический тип

а) В начальной стопе ямбическое слово должно дополниться в слоговом отношении первым из двух предударных слогов следующего слова, принадлежащего внутренней стопе и представляющего следовательно анапестический тип, а в данном стихотворении еще и с избыточным одним или двумя послеударными слогами, в свою очередь обуславливающими тип слова конечной стопы при одновременном влиянии четности или же нечетности стихотворной строки; ср.: усну́л по | трудо́вшийся (9), усну́л по | рабо́тав (10), лежи́т не | прича́стный (12). Неударенный слог, переходя от следующего слова к ямбическому начальной стопы, в этом случае — согласно законам общерусского неударяемого вокализма — уже не изменяется в своем весе, но свое слабое произношение сохраняет и в новом положении, так как стоит непосредственно не перед слогом с ударением, а перед другим неударенным.

б) Во внутренней стопе присутствие ямбического слова требует, чтобы начальная стопа была совершенно заполнена, а конечная стопа должна начинаться словом с двумя предударными слогами, из которых начальный слог должен дополнить собою ямбическое слово внутренней стопы; примеры: свелі́ (2), сынка́ (4), свечой́ (14).

в) В конечной стопе ямбическое слово возможно лишь в случаях усеченности стопы, т. е. в четных стихотворных строчках, напр. земле́ (10), столе́ (12), лаптя́х (16), труда́ (18). Вместо ямба может заканчивать строчку односложное слово, притягивающее к себе лишний послеударный слог предшествующего слова, ср. «слез» (8).

IV. Анапестический тип

а) В начальной стопе такие слова невозможны при данном размере.

б) Во внутренней стопе анапестическое слово встречается при наличии ямбического слова в начальной стопе (как это выяснено в отделе III а).

в) В конечной стопе анапестическое слово возможно лишь в четных стихотворных строчках, напр. ночевáть (2), обряжа́ть (4), в голова́х (14), борода́ (20). В этих случаях лишний предударный слог объединяется с предыдущим словом ямбического типа, вместо которого в 20-й строке имеется односложное слово с предлогом.¹

¹ Переход неударенного слога от предшествующего слова к следующему или же, наоборот, от следующего к предшествующему при данном стихотворном размере, как видно из вышеизложенного, связан с контрастом между хореическим или дактилическим типом слов с одной стороны и ямбическим и анапестическим с другой.

V. Амфибрахический тип

а) В начальной стопе слова этого типа, конечно, могут стоять, как вполне совпадающие с размером, напр.: к соседке (2), нару́жу (8), с гор́ищей (14), в широ́кой (15), большо́е (17).¹ В ряде случаев такие слова содержат один лишний послеударный слог (т. е. Ам \rightarrow λ), в слоговом отношении отходящий к следующей стопе, присоединяясь к хорейческому или дактилическому слову, как напр. за́яб-нувших (3), медлíteльно (5), печáльное (6), подъя́вшие (18), краси́вое (19).

б) Во внутренней стопе амфибрахическое слово возможно лишь в том случае, если предшествующая стопа совершенно заполнена; ср. сосно́вом (12), рубáшке (15). Амфибрахическое слово может иметь лишний послеударный слог, переходящий к слову конечной стопы, напр. с мозо́лями (17). Заметим, что и анапестические слова с лишним послеударным слогом могут быть принимаемы за амфибрахические с лишним начальным слогом, напр. порабо́тав (10), т. е. Ан \rightarrow $\lambda = \lambda \rightarrow$ Ам, и т. п.

в) В конечной стопе амфибрахические слова возможны лишь в нечетных строчках и невозможны в четных, т. е. заканчивающихся ударным слогом; ср. суро́во (5), забо́те (11), суро́вый (13), холще́вой (15).

Чтобы придать бо́льшую наглядность предшествующему анализу, мы еще раз воспроизведем четыре первые строки стихотворения, причем слова разобьем на слоги, отделяя один слог от другого черточкой и пользуясь дугою в случаях перехода неударенных слогов от одного слова к другому по требованию ритма, а сверху проставим знаки для гласных, как главных носителей слоговой функции (V — знак для ударенного гласного, v — для неударенного), и присоединим еще вертикальные черты для отделения одной стопы от другой:

- v - V - v | v - V - v | v - V - v
1. У до-ма о-ста-ви-ли кры́-шу
v - V - v | v - V - v | v - V
2. К со-се́д-ке све-ли́-но-че-ва́ть
v - V - v | v - V - v | v - V - v
3. За-за́б-нув-ших Ма-шу и Гри́-шу
v - V - v | v - V - v | v - V
4. И ста́-ли сын-ка́-об-ря-жа́ть.

¹ Можно было бы и хорейческое слово с предшествующей предложной проклитикой принимать за цельное амфибрахическое слово, напр. у до́ма (1), но это — частный вопрос, на котором не останавливаемся.

Изучение стихотворной ритмики, как мы старались показать, не может опираться на простые схемы размеров, но непременно должно связываться с живым произношением, подобно тому как фонетическое изучение речи не может покоиться на одной орфографической передаче. Стихотворение одного и того же размера в живом произношении разных языков представляет типичные особенности в связи с интонационными отличиями в строении слов и фраз в этих языках. И подобно тому, как непосредственное изучение живой речи восполняется теперь экспериментально-фонетическим, так и стихотворная ритмика доступна для применения к исследованию ее методов экспериментальной фонетики, что уже и осуществляется.¹

В. Богородицкий

Известия по русскому языку и словесности Академии наук СССР.
Л.: Изд-во АН СССР, 1930. Т. 3. Кн. 2, с. 551-556

¹ Ср. в новом моем труде «Фонетика русского языка в свете экспериментальных данных» (Казань 1930), гл. IX.